

с толкованиями Аристина и Зонары. Когда сербское монашество на Святой Горе обосновалось в собственном монастыре Хиландаре, там труд по переписыванию книг должен был развиваться параллельно с переводческим, оттуда перешел в Сербию, куда св. Савва стремился перенести «всякий образ Святой Горы».

Небольшое число сохранившихся сербских рукописей XIII в. с еще меньшим количеством датированных записей в них не дает нам возможности определить, какое количество сербских переводов византийских произведений литературы было выполнено в течение этого столетия, но не может быть сомнений, что последующие труды архиепископов Никодима и Даниила в этом направлении представляли лишь продолжение и развитие ранее начатой культурной деятельности по созданию сербского просвещения на базе греческой культуры. В 1319 г. архиепископ Никодим, следуя примеру св. Саввы, который «породи, кже ксть обнови, не тьчию себе, нь и всоу сръпскоу землю. . . . Ико нъ каи чьстьнаи пчела от всѣхъ красныихъ цвѣтъъ събравъ», послал в Константинополь за Иерусалимским типиком и «прѣложи и въ нашъ кзыкь от писмень гръчьскаго языка». ¹⁷² Его наследник на престоле Данило, построив в Печской патриархии церковь в честь Богородицы, «оуставъ же постави въ нѣ и прѣдръжати ю доброразумнымъ чръньцемъ кзыка гръчьска, кже вса съдѣвати законьна въ цркъви тои, по оуставоу ихъ творити слоужьбоу божьствьноу и вса прочаи», ¹⁷³ к этому «всему остальному», очевидно, относилось участие в переводческих трудах. Но главный центр сербской переводческой деятельности находился на самой Святой Горе: в Хиландаре, в Карейской келии св. Саввы, позднее в русском Пантелеймоновом монастыре, когда этот монастырь при царе Душане перешел в руки сербов, и в монастыре св. Павла. На Афоне старец Иоанникий в 1347 г. «переложил» для Душановой супруги, царицы Елены, греческое Феофилактово толкование Евангелия, а в 1371 г. старец Исаия «от многопремудраго и художнаго, зело скупаго еллинского языка ва наш языкъ» переводил творения Дионисия Ареопагита.

В высшей степени характерно суждение этого старца Исаии об отношении простого и безыскусственного славянского языка к логически изощренному и художественно совершенному греческому и о связанных с этим трудностях перевода: «Греческы бо кзыкы ово убо от Бога исперва художень и пространъ бысть, ово же и от различныхъ по временехъ любу мудрецъ ухыщренъ бысть; нашъ же словенскы кзыкы от бога добрѣ сътворень бысть, понеже вся елика створи бог зѣло добра, нь улишени емь любуученіа любочъстивыхъ слова мужей хытлости Икоже онъ не удостоися. И убо колико любу аще от оного навыхохъ, не хотѣхъ конснутися сущихъ паче мене, рекше прелогати от греческаго іа зыка в' нашъ, по реченному: высочайшихъ тебе не ищи и глоубочайшихъ тебе не испитуй, боіася и оного еже пострадаша в ветхомъ и новѣмъ писаніи, иже прѣбидяще дерзостнѣ смѣаше божъственныхъ прикоснутися». ¹⁷⁴ Изложенные здесь мысли вполне отвечают позднейшим рассуждениям Константина Костенечского о совершенстве греческого языка, о трудностях при переводе греческих текстов на славянский язык и опасности еретических заблуждений вследствие неточной передачи богословских понятий.

¹⁷² Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. I. Београд, 1902, № 52, стр. 22—24.

¹⁷³ Животи краљева и архиепископа српских, написао архиепископ Данило и други. Издао Ђ. Даничић. У Загребу, 1866, стр. 369.

¹⁷⁴ Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. III, № 4944; ср.: В. Мошин. Житие старца Исая, игумена Русского монастыря на Афоне. — Сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии, т. III. Белград, 1940, стр. 154—158.